

УДК 343.01

РЕГУЛЯТИВНАЯ И ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ:
ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Д. Ю. Гончаров

Академия Следственного комитета Российской Федерации
(г. Екатеринбург)

Поступила в редакцию 19 февраля 2015 г.

Аннотация: рассматриваются законодательство о предупреждении преступлений и отрасли законодательства о борьбе с преступностью, выполняющие регулятивную функцию, а также уголовное законодательство, выполняющее охранительную функцию.

Ключевые слова: уголовное законодательство, охранительная функция, связь с предупреждением преступлений, правосудием и исполнением наказаний.

Abstract: the legislation on warning of crimes and branch of the legislation on fight against crime execute regulatory function; and the criminal legislation, besides – guarding.

Key words: criminal legislation, guarding function, communication with warning of crimes, justice and execution of punishments.

Причинение вреда нормальной деятельности системам предупреждения преступлений, уголовного судопроизводства и исполнения наказаний в аспекте охранительной функции уголовного законодательства должно рассматриваться с учетом опасности как для охраняемого, так и для охраняющего отношения.

Направленность уголовного законодательства на охрану общественных отношений, складывающихся в сфере предупреждения преступлений, в последнее время проявилась с принятием законов о предупреждении преступлений и актов о коррекции уголовного законодательства. Так, Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ в УК РФ введена ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора», появившаяся одновременно с принятием Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Таким образом, функциональная зависимость здесь обнаруживается как в направленности уголовного законодательства на охрану отношений, урегулированных обязывающими и запрещающими предписаниями предупредительной отрасли, так и в изменении текста одной отрасли (уголовной материальной) в связи с изменениями, произошедшими в нормативном материале другой социальной направленности.

В настоящее время ввиду отсутствия разнообразия превентивных мер, обязывающих воздерживаться от социально вредного поведения, в России не так много норм уголовного законодательства, направленных на охрану соответствующих предупредительных отношений. Интересные примеры из зарубежного опыта в связи с этим приводят З. А. Незнамова и А. В. Незнамов: в США на лицо, вместо решения о возмещении морального вреда может быть наложен так называемый «судебный запрет» (*injunctive relief*). В случае нарушения наложенного запретом правоограничения субъект может быть привлечен к ответственности как гражданской, так и уголовной – за неуважение к суду (*contempt of court*). Авторы делают вполне обоснованный вывод о сочетании в применении судебного запрета предупредительной функции и формализации потенциально криминального поведения в будущем¹.

В процессе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел могут возникнуть нарушения правовых норм, которые выходят за рамки процессуальных. Отдельные виды данных нарушений достигают такой общественной опасности, что уголовный закон объявляет их преступлениями, охраняя и общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства. Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны становятся уголовное судопроизводство и правосудие². При совершении таких преступлений, как, например, принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) и другой субъект, посягая на непосредственные объекты, всегда в большей или меньшей степени препятствует собиранию или анализу доказательств, мешая тем самым эффективному осуществлению правосудия.

Все эти, а равно и некоторые другие деяния, ответственность за которые предусмотрена нормами главы 31 УК РФ, представляют собой несоблюдение, неисполнение или неправильное применение норм УПК РФ.

Вместе с тем даже в ситуации причинения вреда общественным отношениям, урегулированным уголовно-процессуальным законодательством, требуется решение вопроса о том, нарушение *каких* регулятивных предписаний УПК РФ должно повлечь приведение в действие механизма уголовно-правовой охраны.

Из отношений, регламентированных предписаниями регулятивных отраслей, уголовно-правовыми нормами могут охраняться толь-

¹ См.: Незнамова З. А., Незнамов А. В. Судебный запрет как альтернатива уголовному наказанию // Уголовное наказание – социальное благо или зло? : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 18–19 февраля 2011 г.) : в 2 ч. Екатеринбург, 2012. Ч. 1. С. 51–52.

² См.: Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 4, 25–54.

ко те, которые состоят в обязывании и (или) запрете. На наш взгляд, нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, влекущие *уголовную* ответственность, должны быть строго регламентированными.

Например, уголовно-правовой запрет разглашения данных предварительного расследования, установленный в ст. 310 УК РФ, основан на уголовно-процессуальном запрете разглашать данные предварительного расследования, который обязаны соблюдать участники процесса, если они были предупреждены об этом в соответствии со ст. 161 УПК РФ.

Детальное регулирование нормами уголовно-процессуального законодательства запретов давать ложные показания и отказываться от них, давать заведомо ложное заключение и осуществлять заведомо неправильный перевод, а также разглашать данные предварительного расследования не позволяет сомневаться в оправданности признания нарушений этих запретов общественно опасными и в целесообразности придания им (нарушениям) характера уголовно-противоправных.

Изменение текста или смысла охранительной нормы при изменении «обслуживаемых» ею регулятивных норм является еще одним обязательным признаком функциональных связей уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что функциональные связи охранительных норм уголовного и норм уголовно-процессуального законодательства – это такие связи, при которых действие охранительных норм уголовного законодательства зависит от нарушения обязывающих или запрещающих и (или) от изменения любых регулятивных норм уголовно-процессуального законодательства.

Отношение государства к преступности выражается, в частности, в уголовно-исполнительной политике, непосредственно реализуемой администрацией учреждения исполнения наказания. Деятельность органов уголовно-исполнительной системы, направленная на исправление осужденных, подкреплена охранительной функцией уголовного законодательства. Так, обязательными признаками состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, являются цель применяемого насилия или угроз его применения – воспрепятствование исправлению осужденного, – а также мотив мести за оказанное содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Известно, что названные цели и мотивы находятся в жесткой корреляции с криминальной субкультурой в учреждениях уголовно-исполнительной системы, правила которой не позволяют осужденным оказывать содействие администрации. На вопрос: что является недопустимым в поведении осужденного, 100 % осужденных респондентов ответили: «нельзя доносить правоохранительным органам о преступной деятельности других»; при проведении опроса осужденных, давших показания при расследовании совершенных в ИУ преступлений, 97 % опрошенных ответили, что не стали бы вновь оказывать помощь правоохранительным

органам (3 % затруднились ответить)³. Уголовно-исполнительная политика и тюремная субкультура находятся в обратно пропорциональной зависимости. Чем большая сфера отношений осужденных регулируется государством, тем меньше поле деятельности у тюремной субкультуры. И, наоборот, чем пассивнее уголовно-исполнительная политика государства, тем большую значимость в жизни осужденных имеет субкультура⁴. Нередко при попустительстве администрации мест предварительного заключения и исправительных учреждений совершается сексуальное насилие⁵, которое подробно описано в специальной научной⁶ и художественной⁷ литературе. Особая жестокость характерна для насилия, если оно совершается в воспитательной колонии⁸. Причинами такого насилия являются содействие правоохранительным органам или наличие родственников в этих органах⁹, сотрудничество с администрацией исправительного учреждения¹⁰, работа в правоохранительных органах¹¹.

Необходимо создать условия, в том числе организационно-правового характера, для наиболее широкого применения усиленной уголовной репрессии за сексуальное насилие в местах лишения свободы, как это стало делаться в конце 2000-х гг., когда была усилена ответственность за половые посягательства на несовершеннолетних¹².

С учетом распространенности сексуального насилия за сотрудничество с администрацией исправительного учреждения законодателю следует пересмотреть положения, в соответствии с которыми виновные в совершении анализируемых деяний могут нести ответственность лишь по ч. 1 ст. 131 или 132 УК РФ с учетом обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных п. «е. 1», «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

³ См.: *Анисимков В. М.* Криминальная субкультура. Уфа, 1998. С. 24, 165–166.

⁴ См.: *Корецкий Д. А., Тулегенов В. В.* Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006. С. 31.

⁵ См.: *Серова Л.* Любовь возле параша // Мегapolis – Экспресс. 2000. С. 32.

⁶ См., например: Наказание и исправление преступников / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 1992. С. 273; Рабочая книга пенитенциарного психолога. 1998. С. 84; *Керимов М. Х.* Деадаптация личности в местах лишения свободы и пути ее ресоциализации // Опыт и актуальные проблемы совершенствования психологической службы уголовно-исполнительной системы : материалы науч.-практ. семинара психологов. М., 1999. С. 175–176 ; и др.

⁷ См.: *Чалидзе В.* Уголовная Россия. М., 1990. С. 111 ; *Анисимков В. М.* Тюрьма и ее законы. Саратов, 1998. С. 25–26 ; *Шаламов В. Т.* Несколько моих жизней : проза. Поэзия. Эссе. М., 1996. С. 193 ; *Костоев И. М., Викторов В. Е.* Россия : преступный мир. М., 1998. С. 193 ; *Габышев Л.* Одлян или воздух свободы. Харьков, 1994 ; и др.

⁸ См.: *Корецкий Д. А., Тулегенов В. В.* Указ. соч. С. 114.

⁹ См.: *Антонян Ю. М.* Что же такое лишение свободы? // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний : сборник науч. тр. М., 1991. С. 6.

¹⁰ См.: *Корецкий Д. А., Тулегенов В. В.* Указ. соч. С. 113–114.

¹¹ См.: *Керимов М. Х.* Указ. соч. С. 174.

¹² См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Максимальное наказание по данным нормам предусматривает лишение свободы сроком от трех до шести лет. Для сравнения: применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. То есть за угрозу применения насилия в отношении осужденного можно получить максимальное наказание на год меньше, чем за совершенное сексуальное насилие в отношении его.

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, а равно из мести за иные правомерные действия должны образовывать квалифицированный состав преступления, предусмотренного ст. 131 и 132 УК РФ. Для этого, разумеется, необходимо внести соответствующие изменения в ст. 131 и 132 УК РФ.

Упомянувшееся нами философское определение функции как вида связи между объектами, когда изменение одного из них влечет изменение другого, в полной мере применимо и к функциональным связям между регулятивными и охранительными нормами.

Так, известный динамизм общественных отношений приводит к изменениям в их правовом регулировании. За этим, в свою очередь, следует пересмотр законодателем вопроса о необходимости охраны (в том числе уголовно-правовой) изменившихся общественных отношений.

Изменение регулятивных норм может повлечь либо изменение в уяснении уголовно-правовых запретов, либо необходимость текстуального изменения охранительных норм. Представляется, что последовательность изменений в законодательстве должна выглядеть следующим образом: текст или смысл уголовно-правовой нормы, направленной на охрану общественного отношения, регулируемого нормой другой отрасли права, должны изменяться после или, во всяком случае, в связи с изменением соответствующих регулятивных норм, но не наоборот. Это, конечно, не касается случаев, когда расширение криминализации деяний нуждается в «процессуальном сопровождении» предписаниями о подсудности и подсудности.

Формулирование уголовно-правового запрета должно отвечать принципам его стабильности и перспективности: с изменением норм иных отраслей законодательства уголовно-правовая норма, как правило, должна оставаться неизменной. Для этого она должна быть как можно менее казуистичной¹³. Чем менее казуистичным будет текст норм уголовного законодательства, тем менее зависимы они (нормы) будут от изменений

¹³ См.: Лукашов А. И. Проблемы и перспективы развития уголовного законодательства Белоруссии // Уголовное право в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (31 мая–1 июня 2001 г.). М., 2002. С. 41.

законодательства другой отраслевой принадлежности. Необходимо, однако, ясное формулирование уголовно-правовых запретов с учетом исторически сложившихся отношений, урегулированных другими отраслями права.

*Академия Следственного комитета
Российской Федерации*

Гончаров Д. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права второго факультета института повышения квалификации

E-mail: goncharov_d@mail.ru

Tel.: 8-902-270-15-72; 8(343) 286-97-95

*Academy of Committee of Inquiry of the
Russian Federation*

Goncharov D. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law of the Second Faculty of Institute of Professional Development

E-mail: goncharov_d@mail.ru

Tel.: 8-902-270-15-72; 8(343) 286-97-95